

Евнух У Цай, который должен был зачитывать высочайший указ, уже ожидал наследного принца в приёмных покоях.

Как только Юн Шань вошёл в комнату, он обвёл всех собравшихся взглядом и тотчас же вдохнул холодный воздух.

У Цай держал в руках высочайший указ, а за его спиной стояли ещё восемь солдат, выстроенных в ряд.

Эти мужчины отличались от обычных дворцовых охранников своим внешним видом. Их пояса были пурпурного цвета, очевидно, что это была личная стража императора Янь-ди. Все они являлись смелыми детьми придворных министров, соответственно, прислуживали и слушались они только государя. Сейчас, стоя позади У Цая с клинками на поясе, эта охрана была обуеваемая жаждой убийства.

Увидев, что наследник престола уже пришёл, У Цай громко проговорил:

— Его Высочеству Наследному принцу Юн Шаню поступил указ.

Чан Дэфу не осмелился идти дальше, спешно встал у порога на колени и низко опустил голову, не смея поднять её.

Юн Шань быстро прошёл вперёд, с непринуждённым видом остановился, привёл в порядок одеяние и, опустившись, отвесил земной поклон.

Дождавшись, когда юноша встанет на колени, У Цай развернул свиток с указом и только было собрался открыть рот, как за дверью донеслись шорохи.

Юн Линь в этот момент спешно вернулся вместе с придворным лекарем. Его шаги были также быстры. Перед тем, как войти, юноша не стал прислушиваться к звукам за дверью, так как у него на это банально не было времени. Однако, войдя в комнату, Юн Линь увидел придворного евнуха, в руках которого был высочайший указ, и стоящего на коленях наследного принца.

Лишь сейчас поняв, что поступил опрометчиво, юноша слегка охнул и поспешил было выйти. Только он собирался отступить назад, как У Цай открыл рот и произнёс:

— Вашему Высочеству не стоит уходить. Император сказал: если Ваше Высочество Юн Линь тоже будет присутствовать, то пусть вместе с наследным принцем послушает указ.

Юн Линь оцепенел, но всё же встал на колени рядом со старшим братом.

У Цай, дождавшись, когда и младший брат опустится на колени и сосредоточится, вновь взял

только что свёрнутый свиток, раскрыл его и с бесстрастным выражением зачитал указ:

— Волею Неба и велением Судьбы Мы, Император, приказываем придворному евнуху У Цаю вместо Нас допросить Наследного принца Юн Шаня по делу секретаря Гун Ухуэя. Наследный принц должен рассказать всё, ничего не утаив.

Юн Шань слегка изумился, ведь Гун Ухуэй являлся лишь мелким секретарём и был заточён в императорскую тюрьму. Так почему же нужно было подвергать допросу наследника престола? Всё же не находя в душе ясного объяснения, Юн Шань только и мог, что стоя перед солдатами, поклониться:

— Сын императора выполнит волю Его Величества.

Огласив высочайший указ, У Цай свернул свиток. Поскольку всё ещё нужно было допросить наследного принца, слуга обратился к по-прежнему коленопреклонным сынам императора. Помня наказ государя, мужчина без колебаний начал задавать вопросы наследнику престола:

— Юн Шань, ездил ли ты когда-нибудь в императорскую тюрьму и встречался ли там с Гун Ухуэем?

Услышав это, Юн Шань тотчас же понял, что император наверняка уже услышал какие-то сплетни. Отрицать, что он в прошлый раз посещал императорскую тюрьму, не получится, и юноша, нисколько не колеблясь, ответил:

— Ездил. Я являюсь наследником престола и помогаю отцу-императору вести придворные дела, а Гун Ухуэй — личный секретарь императора. Из-за интриг против императорского министра он попал в тюрьму, а это как раз придворное дело. Поэтому я и отправился в императорскую тюрьму, чтобы встретиться с Гун Ухуэем и допросить его.

Этим вопросом Огненный император Янь-ди обвинял Юн Шаня в том, что тому захотелось увидаться с Гун Ухуэем.

У Цай, услышав прямой ответ наследного принца, слегка кивнул и перешёл к другому вопросу.

— Известно ли тебе, что у занимающего официальный пост Гун Ухуэя при дворе были те, кто желал навредить ему?

У Юн Шаня в душе всё словно перевернулось.

Он знал о том, что Гун Ухуэй обвинялся в служебном проступке против дяди Юн Шэна. И пятый младший брат желал секретарю смерти.

Однако если впутать сюда Юн Шэна, то он предъявит встречное обвинение, и тогда вскроется, что Юн Ци тайно передавал письма матушке Ли в Холодный дворец. Как быть тогда?

К тому же посыльным, через которого Юн Ци передавал письма матери, был как раз стоящий рядом его глупый младший брат — Юн Линь.

Этого нельзя говорить.

Юн Шань притворился, что задумался, а затем ответил:

— Гун Ухуэй являлся секретарём императора. Обиженных чиновников было много, и, естественно, они были в раздоре. Однако все эти императорские чиновники не могли желать ему вреда. Я не знаю, был ли кто-то, кто хотел навредить ему.

— Ты и Гун Ухуэй тайно поддерживали связь? Есть ли давние обиды?

— Раньше я видел его при дворе, но, кроме того дня в императорской тюрьме, я ни тайно, ни открыто не общался с ним и давних обид не имел.

— Во время встречи в императорской тюрьме присутствовал ли кто-то ещё?

— Никого. Только мы вдвоём.

— О чём вы говорили?

Слова Гун Ухуэя о том, что Огненный император Янь-ди специально сверг Юн Ци, являлись тайной, которую совершенно нельзя было оглашать.

Не показывая ни одной зацепки, Юн Шань спокойно ответил:

— Я сказал, что он хоть и является императорским секретарём, однако, чтобы предоставлять доклад трону и обвинять кого-то, нужно иметь доказательства, не следует бездумно всех винить и не нужно вновь совершать грубых ошибок. Я убеждал его впредь быть осмотрительнее в ведении дел.

— В императорской тюрьме был ли нижестоящий друг, который мог бы передавать какие-нибудь вещи Гун Ухуэю?

В голове Юн Шаня молниеносно всплыло воспоминание про белый фарфоровый флакон, что держал у себя Гун Ухуэй, однако юноша проговорил:

— Не было.

— Есть ли кто-то, кто мог бы подтвердить слова, сказанные в императорской тюрьме?

— Есть. И это Гун Ухуэй, он может подтвердить мои слова.

У Цай промолчал, затем наконец сменил бесчувственный тон и, осмелившись незаметно вздохнуть, шёпотом проговорил:

— Ваше Высочество, Гун Ухуэй не сможет подтвердить Ваши слова, так как сегодня утром его нашли в императорской тюрьме отравленным.

Юн Шань изумился, холод, исходящий от напольной плитки, проник в колени, заставляя тело дрожать.

Он умер?

Это невозможно!

Пока юноша колебался, до его ушей вновь долетел ровный и холодный голос придворного евнуха:

— Юн Шань, зачем ты довёл Гун Ухуэя до смерти?

Его Величество также хотел, чтобы У Цай задал этот вопрос от его имени, полагая, что слуга додумается озвучить его безразличным и холодным тоном Огненного императора Янь-ди.

По красивому лицу Юн Шаня скользнула лёгкая судорога, юноша, с трудом сохраняя спокойствие, покачал головой:

— Я не доводил Гун Ухуэя до смерти. У меня и мысли не было так поступать. Я приехал в императорскую тюрьму лишь для того, чтобы убедить его в будущем осмотрительнее вести дела, исправить ошибки и зажить по-новому.

— В императорской тюрьме ты передал ему яд, вынуждая покончить с собой?

— Нет.

— Ты угрожал Гун Ухуэю? Если тот не покончит с собой в тюрьме, тогда ты покараешь всю его семью?

— Нет.

— Двух родных сыновей Гун Ухуэя серьёзно ранили в пригороде столицы. Это ты подослал людей, приказав напасть на них?

— Нет, я даже не знал об этом деле.

— Гун Ухуэй был заключён в императорскую тюрьму, и кроме тебя, он больше ни с кем не встречался. Если наследный принц хотел вмешаться, то мог бы привлечь Министерство наказаний к допросу чиновника. Не следовало опрометчиво посещать императорскую тюрьму, которая является запретной зоной, но как назло тебе лично захотелось встретиться с ним. Зачем?

— Это... — Юн Шань белоснежными зубами закусил нижнюю губу и сдержанно проговорил: — Это, я думаю, был необдуманный поступок. Действительно, нужно было сначала привлечь к допросу Министерство наказаний. Я признаю свою преступную неосмотрительность.

— Гун Ухуэй когда-то представлял доклад трону, в котором отчаянно уговаривал императора преждевременно не провозглашать государыню Шу императрицей. Ты знал об этом?

— Понятия не имел.

— После вашей с ним беседы Гун Ухуэй отравился. Как ты это объяснишь?

Порыв холода скользнул по ровной спине Юн Шаня.

В этих вопросах таились кинжалы, являющиеся огромной ловушкой, в которой мог погибнуть угодивший туда наследный принц.

Юн Линь, стоящий рядом на коленях, слушая У Цая, который задавал вопросы Огненного императора Янь-ди, также находился в смятении.

Юноша хоть и не знал, что за человеком был Гун Ухуэй, однако, услышав подобные обвинения, сразу понял, что Юн Шань главный подозреваемый в смерти мужчины.

Наследный принц совершил преступление, убив заключённого в императорской тюрьме секретаря, который, в свою очередь, уже некогда просил не провозглашать родную матушку принца императрицей. Если эти обвинения основательны, сможет ли Юн Шань выжить?

— Я сам отвечаю за себя. — Лицо Юн Шаня было бледным словно снег. Подняв голову, юноша прямо посмотрел на У Цая: — У Небес есть глаза, и они непременно увидят как добродетель, так и порок. Я не знаю про доклад, что представил Гун Ухуэй трону, также мне неизвестно, кто

подослал людей, чтобы напасть на сыновей Гун Ухуэя. Я лично посещал императорскую тюрьму, чтобы расспросить заключённого о самовольном обвинении министра и всё уладить, убедив его образумиться и действовать крайне осмотрительно. Я не хотел обманывать доверие императора, я не давал секретарю яд и не вынуждал его покончить с собой.

От пристального взгляда чёрных, словно тёмная глазурь, глаз Юн Шаня придворный евнух в душе невольно вздрогнул и, нахмутив брови, со вздохом проговорил:

— Ваше Высочество, только успокойтесь, Ваш слуга, основываясь на всех ответах Вашего Высочества, предоставит сведения императору. Увы, к сожалению, никто не может подтвердить, если...

— Есть доказательство.

— Что?

— У меня есть доказательство, — проговорил Юн Шань, немного задумавшись. — В императорской тюрьме после того, как я убедил Гун Ухуэя, он раскаялся в содеянном, кроме того собственноручно и с искренним почтением написал письмо, выражая желание, чтобы я переосмыслил свои действия. Из-за этого он вверил мне это письмо, как договор. Он хотел, чтобы я сохранил его и впредь наблюдал за его улучшениями. — Хмурые брови У Цая слегка разгладились, а сам слуга не смог скрыть от Юн Шаня лёгкое удивление, однако, будучи исполняющим указ, мужчина не смел позволить себе небрежность, и, всё так же сохраняя благоговейный вид, кивнул: — Поскольку это письмо было собственноручно написано Гун Ухуэем, то его можно считать веским доказательством. Где оно? Прошу Ваше Высочество немедленно достать письмо, чтобы я передал его императору.

— Оно во внутренних покоях, я принесу.

Юн Шань поднялся на ноги и вышел из главного зала.

Юн Линь обернулся и посмотрел на брата. Увидев, что юноша покидает комнату, он в душе никак не мог успокоиться, поэтому, не обращая внимания на то, что должен стоять на коленях и слушать оглашение указа, внезапно поднялся на ноги и крикнул:

— Старший брат, я с тобой. — Он догнал Юн Шаня и вместе с ним отправился во внутренние покои.

У Цай даже не подумал его окликать и терпеливо остался ждать в комнате.

Чан Дэфу, долгое время простояв на коленях за дверью, дрожал от холодных порывов северного ветра. Увидев, что Юн Шань и Юн Линь вышли и прошли мимо, слуга, спешно сведя рукава вплотную, поднялся с места, втянул голову в плечи и осторожно последовал за

братьями.

Оказавшись во внутренних покоях, Юн Шань потянул за спусковой механизм, открывая тайник.

Здесь лежало много чего, одних свитков для письма было несколько штук, кроме того там ещё была пара мелких безделиц.

Юн Шань заглянул в тайник и долгое время стоял, не шелохнувшись, в глазах промелькнул тёмный блеск.

К волнению Юн Линя добавился ещё и страх. Не в силах больше терпеть, юноша вспылил:

— То письмо, что дал старшему брату Гун Ухуэй, лежит тут? Дай, я сам поищу.

Юноша засунул руку в тайник, нащупал бумаги, похожие на письма, и достал их. Открывая письмо за письмом, он спешно скользил по ним взглядом и тотчас же отбрасывал в сторону.

Не прошло и минуты, как Юн Линь быстро просмотрел все бумаги, которые и письмами-то не были.

— Почему-то нет?

С сомнением спросив, Юн Линь вспылил и вытащил тайник, вытряхнул на пол содержимое и ещё раз внимательно всё перебрал, но письма так и не нашёл.

Юн Линь также понимал, что если письмо не найдётся, то последствия могут быть очень серьёзными, и, невольно обеспокоившись, поднялся на ноги. Взяв Юн Шаня за плечи, юноша притянул его к себе:

— Старший брат, ещё раз подумай. Может, ты положил его в другое место?

Юн Шань застыл, словно каменное изваяние, всё это время равнодушно смотря на перевернувшего тайник Юн Линя. Когда брат-близнец притянул его к себе, Юн Шань выдохнул прохладный воздух, тихо спросив:

— Не нашёл, да?

— Не нашёл. — Юн Линь взволнованно проговорил: — Старший брат, что делать? Может, оно в другом месте, а ты забыл? Может, ошибся?

— Ошибся? — Юн Шань неспешно открыл рот и, печально улыбнувшись, пробормотал: — Это не может быть ошибкой. Такое хорошо охраняемое место и взломали. Как можно было упустить такое звено? Не входя сюда, они вонзили в меня нож. Почему они уничтожают мою жизнь? Я действительно идиот. Почему не подумал об этом, когда дело дошло до решающего момента?

Немного погодя, тон юноши внезапно изменился, и Юн Шань хмуро произнёс:

— Не может быть. Этого не может быть. Он бы не стал мне так вредить. Он никогда и никому не причинял вреда, наверное, они вынудили его. Неужели он так сильно ненавидит меня? Настолько сильно... — И его тон стал крайне печальным.

Вскоре на губах внезапно появилась лёгкая улыбка:

— Невозможно, невозможно.

Юн Шань напугал Юн Линя, и тот робко проронил:

— Старший брат, скорее что-нибудь придумай. У Цай в приёмных покоях уже заждался, старший брат, прекрати смеяться.

Взгляд глубоких глаз Юн Шаня упал на юношу, постепенно застывая и концентрируясь, улыбка также медленно исчезла с лица, и наследный принц проговорил:

— Чан Дэфу.

— Здесь, — стоящий сзади слуга слегка шагнул вперёд.

Юн Шань ровным голосом спросил:

— Юн Ци был здесь, верно?

Сердце Юн Линя бешено забилося в груди, а сам юноша был напуган и изумлён:

— Старший брат, ты хочешь сказать, что старший брат Юн Ци, он... Нет, он не мог, конечно же, не мог...

Он, отказываясь верить, покачал головой и посмотрел на Чан Дэфу. Увидев, что слуга с алым от смущения лицом кивнул, юноша тотчас же застыл и стал задыхаться. Через минуту одышка прошла, и Юн Линь, вскакивая, прокричал:

— Я верну его тебе! Я верну его! — И выскочил из комнаты.

<http://bllate.org/book/13372/1189608>